

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 142, июль 2026

Стратегическая ограниченность телевизионной и цифровой политики

Одно из самых глубоких размышлений по поводу *антропологического* вопроса, связанного с искусственным интеллектом, было сформулировано Генри Киссинджером. По его мнению, ИИ и *сетевая* коммуникация подрывают принцип реальности, сформулированный в эпоху *Просвещения*, и делают это двумя способами. Дело в том, что *сеть* склонна фрагментировать восприятие реальности на основе алгоритмов, которые адаптируют информацию к пользователям таким образом, чтобы удовлетворить их предпочтения. И потому что восприятие реальности опосредовано средством — вероятностным отбором объёма данных, несоизмеримого с возможностями человеческого разума, — ход которого не поддаётся осмыслению.

Сеть фрагментирует восприятие реальности, адаптируя его к каждому человеку в соответствии с канонами *массового индивидуализма*. *Сеть* в сочетании с ИИ создаёт посредничество с реальностью, которая является *непрозрачной*, логические концептуальные связи которой остаются неизвестными, поскольку они либо не существуют, либо не поддаются познанию.

Прежде чем углубляться в столь сложную тему *теории познания*, необходимо понять, насколько с самого начала — с 1950-х годов — Киссинджер уделял особое внимание анализу способности политической *элиты* принимать решения, а также взаимосвязи между политическими решениями и войной.

Интервью 1959 года следует соотнести с книгой Вэнса Паккарда *„Тайные манипуляторы“*. Мы знакомы с этой книгой благодаря эссе Арриго Черветто, опубликованному в том

же 1959 году в *Prometeo*: это произведение стало предшественником нашего марксистского анализа *телевизионной демократии*. То, как рекламные приёмы использовал Дуайт „Айк“ Эйзенхауэр — *«I like Ike»* — стало предметом критики со стороны демократов в адрес республиканцев, хотя в 1960 году именно Джон Фицджеральд Кеннеди одержал победу над Ричардом Никсоном в одном из первых теледебатов.

Киссинджер писал, что политический лидер должен иметь мужество не стремиться к немедленному успеху:

«Демократическая игра не ограничивается упражнениями на ловкость или испытаниями на хитрость, основанными на опросах Гэллага: иначе она сводится к уловкам, направленным на демагогическую мобилизацию сил общественного мнения, и очень скоро приводит к цезаризму».

В том же контексте, опубликованном в 1957 году для CFR, книга „Ядерное оружие и внешняя политика“ представляет собой почти педагогическую попытку внести в американскую дискуссию, столь чуждую концепциям европейской политической культуры, представление о войне как о *«продолжении политики другими средствами»*, опираясь, в частности, на заметки Ленина о теории Карла фон Клаузевица.

В 1970-е годы, подводя итоги своего опыта работы на высших постах американской внешней политики в администрациях Никсона и Форда, Киссинджер в своих мемуарах — *„White House Years“* („Годы в Белом доме“) — отмечает изменения в дипломатии, связанные с появлением телетайпов:

«До появления средств мгновенной связи участникам переговоров необходимо было

давать концептуальные инструкции. Таким образом, они давали точное представление о позиции государственных деятелей. В эпоху телетайпов инструкции, как правило, носят тактический или технический характер и именно поэтому не имеют значения с точки зрения более широких целей и предпосылок». Это давало почву для претензий на мельчайшее руководство каждым отдельным шагом со стороны Государственного департамента, создавая иллюзию централизации, которая на самом деле приводила к тому, что в процессе бюрократизации терялось понимание основных стратегических линий, ориентация общественного мнения и сам процесс подготовки и отбора сотрудников американской дипломатии в соответствии с этими направлениями.

В 1980-е и 1990-е годы внимание сосредоточено на влиянии фактора времени и телевизионной спекуляризации на принятие решений в области внешней политики, где *глубокое прочтение* и концепции письменного текста уступают место эмоциональному использованию изображений и непрерывному потоку информации, требующему ответа *в режиме реального времени*.

В начале нового века этот вопрос расширился и затронул использование компьютеров и первую волну информации через *интернет*. Объём доступной информации, как пишет Киссинджер в *„Does America need a foreign policy?“* („Нужна ли Америке внешняя политика?“), *«превышает способность*

её оценить». Предыдущие поколения не могли даже представить себе объём информации, доступной через компьютеры и *сеть*, тем более возможность получать к ней доступ практически автоматически с помощью клавиатуры. По своим последствиям *«революция в сфере коммуникаций»* сравнима лишь с *«изобретением печати»*, но, по мнению Киссинджера, возникает вопрос, не приведёт ли это в конечном итоге к *«ограничению»* способности к обучению в области международных отношений.

Хотя технологическая революция предоставляет исключительные инструменты для систематизации информации, *«успешное ведение внешней политики требует, прежде всего, интуитивной способности улавливать тенденции будущего»*, что позволяет влиять на ход событий. Однако *«изучение истории и философии — дисциплин, имеющих наибольшее значение для совершенствования искусства государственного деятеля»*, повсеместно игнорируется или подвергается *«утилитарной интерпретации»*; в результате лидеры приходят к власти, *«используя и манипулируя настроениями момента»*.

По мнению Киссинджера, присущая телевизионной и цифровой политике *стратегическая ограниченность*, а также хрупкость формируемых ею политических *элит* служат отправной точкой для размышлений об *искусственном интеллекте*.

Lotta comunista, июнь 2026 г.

Содержание

Стратегическая ограниченность телевизионной и цифровой политики

стр. 1

Дели, токио и пекин в многостороннем выравнивании кризиса мирового порядка

стр. 2-3

Пожарные-пироманы 2.0

стр. 4

Дели, токио и пекин в многостороннем

Согласно Версальскому меморандуму, третья американская война в Персидском заливе завершится открытием Ормузского пролива и возобновлением переговоров по ядерной программе. Первый уже был открыт до начала военных действий, и, если что, конфликт обеспечил Тегерану относительный контроль над ним.

Что касается второго пункта, то это станет настоящим испытанием для войны Дональда Трампа: Иран без ядерной бомбы сделал бы из магната исполнителя завещания Генри Киссинджера; безрезультатные переговоры по поводу ядерного порога свели бы на нет всю его деятельность, поскольку вопрос о распространении ядерного оружия уже был урегулирован в соглашении JCPOA, подписанном Бараком Обамой и отвергнутом Трампом в 2018 году. В обоих случаях, будь то из-за безразличия или стратегической некомпетентности, побочный ущерб в любом случае будет огромным. Атлантический кризис с Европой усугубляется без какого-либо реального конструкта; из-за недоверия к Вашингтону японский союзник перевооружается; Индия пересчитывает вес США в своей политике многостороннего выравнивания. Китай оценил США как сильную в военном плане, но политически неуверенную сверхдержаву, способную, тем не менее, нанести удары в период упадка. Даже евразийская морская коалиция, обсуждавшаяся на саммите „Большой семёрки“ в Эвиане с целью разминирования и обеспечения безопасности Ормузского пролива, свидетельствует о некоторой дистанцированности союзников от США.

Мы уже не раз рассматривали, как формулировка Арриго Черветто о множестве вариантов сдерживания со стороны других держав в условиях политического подъема Японии в 1980-е годы можно сегодня применить к подъему Китая и упадку США. Любая держава может использовать значительное изменение соотношения сил, чтобы «играть несколькими картами при заключении союзов, ослаблении своих союзов, использовании своих союзов или отказе от любых союзов».

Цель заключалась в том, чтобы избежать упрощения, заключающегося в представлении противостояния между державами как единственного варианта поддержания баланса. Схематично полагать, что подъем одного государства исключительно наносит ущерб другим, или что его упадок приносит им выгоду. Реальность гораздо более разнообразна: новую державу можно использовать для давления на нежелающего сотрудничать союзника, для дистанцирования от него или для поиска более равноправных отношений, а также для уравнивания противника. Точно так же упадок одной державы может даже нанести ущерб другим, если он подвергает их угрозе со стороны третьих сил, вынуждает их брать на себя новые обязательства или преждевременно провоцирует конфронтацию, к которой они не были готовы. По той же причине восходящая держава может стремиться к относительной стабильности в отношениях с державой в упадке, рассчитывая со временем укрепить свои позиции. Именно так

можно интерпретировать нынешнее перемирие между Вашингтоном и Пекином.

В условиях многополярной динамики ситуация усложняется. Концепция *многостороннего выравнивания* возникла в рамках индийской дискуссии, где она имела конкретное значение — открытие старой политики *неприсоединения* для установления отношений с США. В условиях кризиса мирового порядка у этой концепции появилось много подражателей, однако с противоположным смыслом: играть на нескольких фронтах, чтобы обезопасить себя от нестабильности или ненадежности Соединенных Штатов. Можно сказать, что в условиях кризиса отношений, ориентированных на американскую метрополию, во всех державах утверждается некая форма *многостороннего выравнивания*; однако это нельзя понимать как мирный индифферентизм, при котором все общаются со всеми. Каждая столица империализма, безусловно, поддерживает многосторонние отношения и может пытаться использовать их, чтобы извлечь выгоду из укрепления и относительного ослабления соперников. Проблема в системе, где постоянно наблюдается бесконечное множество движений, заключается в том, чтобы выявить некоторые основные тенденции и оценить, на основе проведенного анализа, неизменные черты и новизну в отношениях между государствами.

Ориентации великих держав все же имеют свою историю, и новые сдвиги, скорее всего, будут происходить в рамках устоявшихся отношений: трансатлантические отношения как опора послевоенного мирового порядка, асимметричный союз между Вашингтоном и Токио в Азии, многовековые евро-российские отношения, ныне разорванные войной, взаимодействие между Китаем и США за последние пятьдесят лет, ориентация Индии на США в последние тридцать лет. С кризисом мирового порядка все старые отношения вступают в кризис или претерпевают трансформацию. Неудивительно, что китайские аналитические центры связывают с этим также направления влияния в Персидском заливе.

Концептуальную основу излагает Лю Чжунминь, директор Института ближневосточных исследований Шанхайского университета международных отношений (SISU) и журнала „Исследования арабского мира“: *«В вопросах, касающихся морей, проливов и каналов, всегда велась борьба между гегемонистскими морскими государствами и прибрежными государствами. Первые, опираясь на своё военное превосходство, всегда отстаивали свободу судоходства; вторые, напротив, заявляли о своём суверенитете и юрисдикции»*. США, а до них — Великобритания, относятся к числу морских держав, тогда как Китай является прибрежным государством, осуществляющим суверенитет в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. Однако по мере приближения к Малаккскому проливу и Суэцкому каналу Пекин всё в большей степени приобретает черты морской державы. Именно в этой двойственности заключается трансформация позиции Китая. С одной стороны, „Дракон“ не желает политически выставить себя на показ в Персидском заливе;

но объективно он вынужден туда продвигаться в силу собственной империалистической экспансии, если хочет участвовать в разделе мира пропорционально растущей силе своих концентраций капитала. С другой стороны, как утверждает Вашингтон, хотел бы сократить свои глобальные обязательства, но именно китайский вызов делает его уход из Персидского залива невозможным.

Чэнь Вэньсинь возглавляет Институт американских исследований при CICIR (Китайская академия современных международных отношений) в Пекине, связанный с разведывательными структурами. В журнале „Qiu Shi“ Центрального комитета КПК он пишет, что война с Ираном *«является ключевой частью усилий США по перестройке своей глобальной стратегической структуры и завоеванию выгодных позиций в конкуренции между великими державами»*. Трамп, по-видимому, намеревался *«сохранить американскую гегемонию с минимальными затратами»*, сочетая политику *«America First»* с *«контролем над ключевыми ресурсами, ключевыми стратегическими позициями и ключевыми стратегическими каналами»*. Однако война затянулась дольше, чем предполагалось, что подорвало внутренний консенсус, ослабило систему альянсов и подорвало авторитет США. *«Результатом стал хаос на Ближнем Востоке»*.

Управление процессом упадка сопряжено с чередой сложных для согласования шагов вперед и отступлений. Нюй Синьчунь возглавлял Китайскую академию современных международных отношений (CICIR) и руководит престижным Институтом китайско-арабских исследований при Университете Нинся, расположенном в автономном районе Хуэй, где проживает китайское меньшинство, исповедующее ислам. Он пишет в журнале „Современный мир“, издаваемом Центральным комитетом и посвященном вопросам международных отношений: Вашингтон надеялся сократить своё присутствие на Ближнем Востоке, но *«в период перехода от старого к новому порядку часто наступает этап конфликтов и нестабильности»*, который поглощает ресурсы «гегемонистской» державы. По мнению Ню, передислокация американских сил носит парадоксальный характер: *«Стратегический уход из региона требует стратегической экспансии»*. Это замкнутый круг, который истощает ресурсы и подталкивает к *«военному авантюризму»*. *«Вероятность будущих локальных, быстрых и ограниченных военных интервенций значительно возросла»*, поскольку вполне вероятно, что Вашингтон разыгрывает карту военного преимущества *«на фоне относительного снижения экономического и политического влияния»*. Это приводит к тому, что *«Соединённые Штаты предпринимает военные действия, но не берут на себя никакой ответственности»*.

По оценкам CICIR, это может привести к потенциальному *«вакууму власти»*. Показательно, что шанхайские учебные заведения, традиционно занимавшие более сдержанную позицию в отношении Ближнего Востока, видят в этом возможность для расширения китайского влияния. По мнению Дин Луна из факультета ближневосточных

исследований Шанхайского международного университета (SISU), региональные игроки диверсифицируют свои отношения. Военный союз между Саудовской Аравией и Пакистаном, обладающим ядерным оружием, привлекает Турцию и Египет; отношения между ОАЭ и Израилем, напротив, ориентированы на Индию. Ряд «мягких альянсов» преобразует региональную архитектуру, не приводя пока к кризису. Само собой разумеется, что среди возможных партнеров арабского многостороннего выравнивания находится Китай. Об этом говорит Сунь Дэган, директор Центра ближневосточных исследований Шанхайского университета Фудань и теоретик «квазиальянсов» — явления, занимающего промежуточное положение между системой «пересекающихся альянсов» Бисмарка конца XIX века и нежеланием зарождающегося американского империализма брать на себя обязательства перед Старым континентом („Дипломатия квазиальянсов“, Пекин, 2012). Автор выдвигает теорию *«институциональной конкуренции»* между США и Китаем за влияние на Ближнем Востоке, где понятие *института* включает в себя не только военную конкуренцию, но и международные нормы, а также *«неписанные правила»* в отношениях между великими державами.

«В конкуренции между великими державами, — пишет Сун, — международная практика и прецеденты могут „стать оружием“. Это позволяет США использовать своё упрочнённое преимущество, в то время как Китай должен его ослабить посредством прагматичного сотрудничества со странами Ближнего Востока». Таким образом, предпочтительным вариантом управления Ормузским проливом стал бы *«многосторонний режим»*, включающий Иран и страны Персидского залива, Пакистан и крупных азиатских импортеров, то есть, по крайней мере, Китай, Индию и Японию. *«Сообщество общих интересов»*, которое пришло бы на смену одиночной и неохотной гарантии США в отношении энергетических потоков, то есть доктрине Картера.

Можно предположить, что китайское предложение по интернационализации открытых ворот в Ормузе объективно было бы направлено также на европейскую многостороннюю систему, обеспечивая возможность баланса для противодействия следствию доктрины Картера в виде политики Трампа, то есть угрозе Америки пользоваться своей энергетической независимостью, ввергнув Персидский залив в хаос, чтобы шантажировать другие державы. По мнению Дун Ифана из Института европейских исследований CICIR, европейские усилия по снижению рисков, связанных с США, зависят от *«налаживания более тесного и конструктивного сотрудничества с другими крупными державами, включая Китай»*. Да Вэй из департамента международных отношений Университета Цинхуа в Пекине предвосхищает *«открытую многополярность»*, где *«конструктивная стратегическая стабильность»* между Вашингтоном и Пекином позволит другим державам *«выборочно позиционировать себя между ними»*. Именно, относительное многостороннее выравнивание.

выравнивании кризиса мирового порядка

Однако вряд ли Япония или Индия присоединятся к предложению, разработанному в Фудане. От Пекина не ускользнула попытка Эммануэля Макрона пригласить Си Цзиньпина принять участие в заседании „Большой семёрки“ в Эвиане, которая провалилась из-за противодействия Санаэ Такаичи. Состоялась виртуальная встреча с вице-премьером Китая Чжан Гоцином, но это, пожалуй, лишь в некоторой степени смягчает тот факт, что „Группа семи“ на саммите в Хиросиме в 2023 году вновь продемонстрировала антикитайскую позицию, причём и тогда с оговорками со стороны европейских стран. Индийский посол Виджай Гокхале, с другой стороны, считает, что присутствие китайского флота в Ормузе «узаконило бы» военное присутствие Китая в Индийском океане.

Мы находимся на линиях разлома, которые, по сути, глубоко пронизывают отношения власти. Джин Канронг из Университета Жэньминь предупреждает, что Япония, ослабляя правила экспорта вооружений, занимает «ведущую роль» в перевооружении Азии. Токио «всё ещё нужно время, чтобы полностью перевооружиться или даже продвинуться к обладанию ядерным оружием», но Китаю стоит быть внимательным. Центр международных исследований и исследований (CICIR) вновь комментирует экспорт оружия из Японии: в журнале Министерства иностранных дел „Международные дела“ Дуань Чжию и Сюй Юнчжи объясняют, как Япония ускоряет перевооружение, наращивая внутренние мощности по производству военной продукции для поддержки экспорта, но всё это будет доступно национальным силам «в случае войны». Кроме того, Токио использует военную помощь для развития отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе и «создания потенциальной сети сдерживания Китая».

Азиатское многостороннее выравнивание не способна снять напряженность в отношениях между великими державами. Зато она может на определенном этапе сопровождать кризис старых отношений и поиск вариантов установления баланса, с помощью которых великие державы намерены воспользоваться кризисом существующего порядка.

Индия также вынуждена учитывать изменения во внешнеполитической обстановке, что в конкретном случае Индии означает пересмотр внутренних пропорций в рамках политики многостороннего сотрудничества, продиктованный колебаниями американского компонента. Раджа Мохан на протяжении последних двадцати пяти лет всегда выступал за сближение с США, в первую очередь против течений, застрявших в идее неприсоединения или в альянсе 1970-х годов с Москвой. По мнению корифея индийского реализма, в последние два десятилетия «постоянные политические колебания, идеологическая путаница и бюрократическая осторожность» мешали Индии в полной мере воспользоваться геополитическими возможностями, созданными Соединёнными Штатами, в отличие от той смелости, с которой Китай Дэн Сяопина воспользовался американским приёмом, чтобы возвыситься до уровня великой державы. Сегодня же Индия имеет дело с совершенно иной Аме-

рикой и со структурными изменениями во внешней политике, к которым «Дели не имеет иного выбора, кроме как адаптироваться». Гигант субконтинента должен продолжать сотрудничать с Соединёнными Штатами, чтобы «сохранить благоприятный баланс сил в Азии»; в то же время, однако, он должен ускорить свою «экономическую трансформацию».

Старая проблема отставания Индии — упущенная возможность поднять промышленность в 90-е годы — постоянно вновь возникает во внешней политике. Канти Баджпай из частного либерально настроенного университета „Ашока“ в штате Харьяна дает показательный комментарий о психологических аспектах, связанных с трансформацией старых отношений. На протяжении тридцати лет Индия ориентировалась на Соединённые Штаты в поисках стратегического противовеса Китаю, а также в целях укрепления экономических и военных связей, и интерес США к Индии был взаимным. Однако «особые отношения» ослабли: «Соединённые Штаты надеялись, что Индия начнёт наверстывать упущенное по сравнению с Китаем и будет играть более значимую роль в качестве противовеса этой стране. Но несмотря на экономический рост Индии на уровне около 6–7 процентов в год за последние 30 лет и замедление экономического роста Китая, абсолютный разрыв в ВВП между двумя странами увеличился, а не сокращался».

В основе американских расчетов по азиатскому балансу сил лежит вопрос о темпах развития Индии. Однако пока преждевременно делать однозначные выводы с точки зрения империалистического развития Индии в ближайшие десятилетия. Нью-Дели отстает от Китая примерно на двадцать лет, но это означает, что через десять лет он может догнать Китай десятилетней давности. Существуют все условия для того, чтобы неравномерное экономическое и политическое развитие в ближайшие годы вновь нарушило баланс сил в Азии, значительно превзойдя прогнозы всех участников.

В индийской публичной дискуссии карьерные дипломаты, похоже, играют ту же роль, что и профессора-мандарины в китайских школах мысли. В обоих случаях речь часто идет о политических деятелях, близких к процессу разработки государственной политики, что в любом случае свидетельствует о плюрализме политических течений. Посол Шьям Саран был министром иностранных дел при Манмохане Сингхе и советником по вопросам безопасности при Нарендре Моди. В своей статье в ежемесячнике „Business Standard“ он пишет, что война в Персидском заливе знаменует «конец глобальной гегемонии» Соединённых Штатов, хотя они и остаются ведущей военной державой. «Во всем мире произойдет перераспределение геополитических сил, но этот переход может оказаться долгим и опасным». Соединённые Штаты останутся державой, способной нанести значительный ущерб интересам Индии: в Индо-Тихоокеанском регионе Вашингтон стремится к позиции «сдерживания, а не превосходства»; отношения с Китаем изменились, и последний уловил возможность продвигать свои интересы в регионе; наконец, как неосторожно

признал заместитель госсекретаря США Кристофер Ландау, Соединённые Штаты «не повторяют ошибку, допущенную в отношении Китая», а именно — поддержку промышленного развития Индии.

По мнению Сарана, задача Индии заключается в том, чтобы снизить свою уязвимость, «постепенно сокращая зависимость от США» и диверсифицируя свои отношения. Хотя Трамп и перевернул международный порядок, он также создал «возможности для новых альянсов и партнерств»: ЕС может стать важным источником капитала и технологий, а также значимым рынком. Аналогичный фактор играет роль в отношениях с Японией, Южной Кореей и Австралией. Наконец, Индия могла бы вернуться в РСЭП и присоединиться к Транстихоокеанскому партнерству (ВПТП).

Если правильно понять этот процесс, то гравитационное притяжение можно сравнить с механикой тел: по мере ослабления отношений с США оно почти неизбежно подталкивает набирающий силу индийский империализм в сторону Европы и Японии. И здесь показательно, как те же самые факторы, которые в китайской дискуссии указываются как отталкивающая милитаристская угроза, в индийском контексте действуют в противоположном направлении — в духе взаимного притяжения. Именно Раджа Мохан комментирует растущую роль Японии в балансе безопасности в Азии. «Со времён Второй мировой войны, — пишет он, — Япония сознательно позиционировала себя как мирную страну. Полагаясь на США в вопросах собственной безопасности, Токио построило одну из крупнейших экономик мира, отказавшись от ядерного оружия, избегая применения силы и отказываясь от проецирования своей обычной военной мощи. Эта эпоха теперь подходит к концу».

Растущая региональная активность Китая и «двусмысленность» позиции США в Азии являются движущими силами внезапной переориентации Японии. «Япония действует, чтобы защитить себя и помочь другим защититься от китайского экспансионизма и нестабильности со стороны США». Хотя это не влечет за собой разрыв асимметричного альянса с США, а лишь его трансформацию, именно начало потенциального многостороннего переориентирования Японии привлекает внимание Индии: Токио «пытается совместить два стратегических императива». «Первый — сохранить американский альянс, который был основой его безопасности. Второй — уменьшить чрезмерную зависимость от США путем укрепления региональных партнерств в сфере безопасности и создания азиатских сетей оборонной промышленности». Мохан отмечает: «Приоритеты Дели аналогичны».

Далее следует отрывок, который стоит привести полностью: «В отличие от Китая, Индия уже давно приветствует усиление роли Японии в обеспечении безопасности в Азии. Изменилось лишь стремление Токио действовать в соответствии с этой логикой. Старая Япония была экономическим гигантом и минима-

листом в военной сфере. Новая Япония стремится стать чем-то иным: партнёром в сфере безопасности, промышленной державой в оборонном секторе и активным участником формирования баланса сил в Азии. Стратегическая переориентация Токио — это не только японский вопрос. Она является частью более широкого поиска Азией нового равновесия в эпоху китайского влияния и переориентации США».

Однако новое азиатское равновесие станет результатом цикла перевооружения. Особое внимание заслуживает комментарий в газете «Hindustan Times» из Нью-Дели, в котором на основе индийских исторических источников прослеживаются корни японской партии. В нем говорится, что когда «создатели» современной Индии достигли зрелости во второй половине XIX века, они сначала обратили взор на Италию и Германию — отстающие страны европейского равновесия. «Романтики повторяли речи Маццини, а государственные деятели с жадностью следили за шагами Бисмарка. Но затем постепенно стали поступать известия о великих переменах, происходящих в Японии». Одним из первых посетителей архипелага был Свами Вивекананда, философ бенгальского происхождения. Японцы, писал он в 1893 году, были «решительно настроены производить в своей стране всё, что им было нужно», включая винтовки и военные корабли. Джемсетджи Тата, пионер индийской промышленности и основатель концерна „Тата“, путешествовал по Японии вместе с Вивеканандой.

В этой реконструкции содержится предупреждение о перспективах японского перевооружения. Индийские националисты, как утверждается, восхваляли стремление Японии «подражать Западу» и повторяли знаменитый девиз эпохи Мэйдзи: «Мы не говорим, что всё японское — хорошо, но всё хорошее должно быть японским». Махараджи были очарованы Страной Восходящего Солнца, поскольку она демонстрировала, чего может достичь прогрессивная монархия. Русско-японская война 1905 года, как пишет „Hindustan Times“, «была захватывающей», но вскоре индийцы начали испытывать беспокойство, когда Токио аннексировал Тайвань и Корею. Японская держава возникла на волне азиатской революции и революционной войны против России. В 1919 году Япония была вторым по величине торговым партнёром Индии: индийцы осознали, что их «азиатские братья» готовы последовать примеру британцев.

Наступит Вторая мировая война и поддержка, в том числе военная, со стороны Японии в пользу индийской независимости и, по сути, азиатской деколонизации; но моральный аспект этого явления кажется неоднозначным, что вполне естественно с точки зрения диалектики единства и раскола империализма. Со всеми своими многосторонними альянсами Азия остается и будет все больше становиться эпицентром напряженности.

Lotta comunista, июнь 2026 г.

Пожарные-пироманы 2.0

„Пожарные-пироманы“ – так называлась статья, что мы опубликовали в нашей газете десятилетие тому назад. Речь в ней шла о реакционном терроризме – неконтролируемом осколке противостояния ближневосточных буржуазий, – а также о закулисных связях, которые великие державы поддерживали с этими буржуазиями на протяжении всего XX века. США, по их собственному признанию, развязав в 2003 году войну по выбору в Персидском заливе, разожгли огонь, полагая, что смогут его потушить. Из разгромленной армии Саддама Хусейна возникла террористическая организация ИГИЛ, а разрушение Ирака значило устранение противовеса влиянию Ирана.

Сегодня всё повторяется. Война в Газе была спровоцирована манёврами Ирана в отношении его клиента ХАМАС, но также и макиавеллизмом Нетаньяху, который полагал, что сможет использовать ХАМАС из Газы против Палестинской национальной администрации с Западного берега Иордана. Третья война в Персидском заливе: США и Израиль против Ирана – тоже война по выбору. Дональд Трамп ввязался в неё в условиях стратегической неразберихи, возможно, подталкиваемый Израилем. Нетаньяху стремится ослабить в военном отношении всех своих соседей, и в том числе поэтому в дополнение к иранской войне продолжает мало освещаемую в СМИ войну в Ливане против ополчений Хезболлы. Среди позолоченной лепнины Версальского дворца, предоставленного Эммануэлем Макроном со снисходительной льстивостью, Трамп представил меморандум о взаимопонимании между Вашингтоном и Тегераном как историческое соглашение, которое предотвратит мировой кризис, вызванный скачком цен на газ и нефть. Пожарный-пироман, не иначе, ведь именно его война дала Тегерану повод перекрыть Ормузский пролив, перекрыв энергетическую артерию Персидского залива.

Стоит повторить: если президентство США захвачено постоянным шоу дипломатии-спектакля в стиле Трампа, это скорее симптом, чем сама болезнь. Штаты всё больше обеспокоены угрозой своему первенству со стороны Китая, и это было одним из мотивов ещё войны 2003 года. Эрозия авторитета США открывает пространство для других держав, о чём свидетельствует сближение в Персидском заливе между Пакистаном, Саудовской Аравией, Египтом и Турцией. Пекин считает, что время на его стороне, при условии, что не произойдёт внезапных контрударов в ответ на ослабление США. Европейский империализм разрывается между риском быстрого разложения НАТО, возможностями, которые это открывает для его собственной стратегической автономии, и необходимостью противостоять всё более острой конкуренции со стороны Китая. В мире, который становится всё более сложным, рано или поздно какой-нибудь пожар выйдет из-под контроля. Остановить его смогут только интернационализм и марксистская стратегия.

В своих „Заключительных замечаниях“ глава Банка Италии Фабио Панетта отмечает, что *«экономическая активность, прежде всего в Германии и Италии, пострадала от слабости промышленного сектора, особенно подверженного международной конкуренции»*; он добавляет, что главным фактором является *«конкурентное давление со стороны Китая»*.

Занятость, доходы, имущество

Одним из первых последствий для Италии, как указывает Панетта, является замедление роста занятости. Однако динамика неоднородна: занятость растёт *«в секторах строительства и услуг, в то время как в промышленности в узком смысле слова она сокращается»*. Учитывая, что это сокращение более чем компенсируется ростом в сфере услуг для предприятий и в научно-технической деятельности (ISTAT, 2026), то есть за счёт передачи определённых функций предприятиям, находящимся за пределами *«промышленности в узком смысле»*, но всё же связанным с ней, есть ещё один факт, на который обращает внимание глава центрального банка: занятость растёт *«в более старших возрастных группах»*, в то время как снижается *«среди лиц моложе 50 лет»*. Авторитетный представитель буржуазии подтверждает тенденцию, за которой мы уже долгое время наблюдаем: вследствие демографической зимы молодых всё меньше, и всё больше пожилых работают, следовательно, принимаются законы по продлению трудовой жизни.

В отчёте Банка Италии содержатся некоторые дополнительные замечания относительно динамики заработной платы и доходов: картина более многогранна, чем обычно представляется. Очевидна и подтверждена документально резкая потеря покупательной способности заработной платы, но с одной оговоркой: *«Снижение числа молодых работающих способствовало повышению их заработной платы по сравнению с заработной платой более зрелых работников»*. В цифрах разрыв между молодёжью до 30 лет и людьми старше 50 лет сократился с 36,7 до 33,5 %. Это небольшое изменение, однако оно знаменует собой разворот тенденции, наблюдавшейся с начала 90-х годов.

В перспективе, кроме того, прогнозируются значительные перемещения имущества: в последние годы *«чистое богатство домохозяйств росло устойчивыми темпами»*, будь то недвижимость или финансовые активы. И в ближайшие годы *«ожидаются значительные межпоколенческие перемещения богатства, которые повлияют на его распределение и на экономическое поведение»*. Неизбежно эти процессы затронут и стратификацию заработной платы, что помогает объяснить, почему значительное ухудшение общих условий оплаты труда не вызывает более масштабную борьбу.

„Обязательный“ социал-империализм

Несмотря на это, все находятся в условиях неопределённости, связанной с мировым противостоянием: не только экономическим, но и военным. Даже в „Замечаниях“ Панетты мы находим тезисы, над которыми стоит задуматься: *«Обеспокоенность экономической безопасностью и стратегической автономией побуждает правительства сокращать зависимость от зарубежных стран и защищать ключевые секторы: эти цели стали сегодня обязательными»*.

Эти темы мы рассматриваем и в нашем стратегическом анализе. Здесь нас интересует отметить, что эти процессы затрагивают миллионы трудящихся: как материально, в их практической трудовой жизни, так и с политической, идеологической точки зрения. Цель, обозначенная как *«обязательная»*, – защитить *«свою»* промышленность – может открыть путь к социал-империалистическим позициям, а именно: оправдывать поддержку *«собственного»* империализма необходимостью защищать социальные условия, в частности, заработную плату и рабочие места. Эта защита оказывается в большинстве случаев иллюзорной.

Пение сирен

Сирен социал-империализма хватает. Китайскую конкуренцию называют виновницей проблем европейских работников. В Германии Ассоциация автомобильной промышленности (VDA) оценивает в 100 тысяч количество рабочих мест, потерянных с 2024 года, и прогнозиру-

ет потерю ещё 125 тысяч к 2035 году. Причиной называется переход на электромобили, и именно в этой сфере Китай лидирует в конкурентной борьбе. Вот и предлагаемое «решение»: оказать давление на Европейский Союз с целью смягчения норм по электрификации, чтобы таким образом ограничить проникновение китайских производителей; по мнению VDA, это могло бы сократить потерю рабочих мест на 50 тысяч (*Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 15 мая).

Очевидно, что такая перспектива может утянуть за собой работников, которые видят угрозу своей занятости. Этим уже пользуются некоторые профсоюзные течения, такие как Zentrum, близкий к крайне правой партии „Альтернатива для Германии“, и никакой другой профсоюз нельзя считать застрахованным от этого. Риск заключается в том, что значительные слои нашего класса могут оказаться втянутыми в борьбу между экономическими группами и поддерживающими их державами, и достаточно ясно, к чему всё это может привести в будущем в условиях всё более ожесточённого международного противостояния.

Следует отметить, что среди немецких групп существуют разные точки зрения, обусловленные конкретными интересами: с одной стороны, есть те, кто выступает за открытые формы протекционизма, с другой стороны, те, кто рассчитывает привлечь китайские инвестиции на заводы в Германии, в том числе для заполнения неиспользуемых производственных мощностей. Это, безусловно, две разные позиции, но обе являются выражением интересов капитала; выражение согласия с ними профсоюзными организациями свидетельствует о подчинении интересам буржуазии.

В металлургической отрасли, где конкуренция со стороны Китая проявляется ещё ярче, меры явного протекционизма были приняты Европейским парламентом *«с удивительным единодушием»*. Но не только это: *«Жесткие импортные квоты в сочетании с эффективными тарифами представляют собой правильный ответ на искажённую конкуренцию»*, – прокомментировал IG Metall, профсоюз немецких металлистов (*Süddeutsche Zeitung*, 19 мая).

По словам *Le Monde* (8 июня), французские профсоюзы, столкнувшись с

угрозой закрытия заводов, даже видят в этом *«большой поворот к войне»*, поскольку военная отрасль – одна из немногих, где *«производство никогда не будет перенесено за границу»*.

Неизбежно, что дискуссии подобного рода развернутся и в Италии. Профсоюз FIOM оценивает количество рабочих мест, утраченных в металлообрабатывающей промышленности с 2008 года, в более чем 100 тысяч, указывая, в частности, на автомобилестроение, производство бытовой техники и металлургию как на наиболее пострадавшие отрасли: Stellantis, Electrolux и бывшая Ilva – названия, которые говорят сами за себя.

Собрание Конфедерации итальянских промышленников согласилось с правительством в вопросах защиты национального производства и обращения к ЕС с просьбой взять на себя ответственность за его охрану. Эта позиция легко может стать *«здравым смыслом»* и проникнуть в профсоюзный мир.

Стратегическая автономия

Возникает реальная опасность того, что стремление к стратегической автономии крупных групп европейского империализма, о которой говорил Панетта, приведёт к отказу от стратегической автономии рабочего класса. Предстоящие экономические и военные конфликты требуют, таким образом, неотложной интернационалистической борьбы против протекционистских тенденций.

Эту борьбу ведёт в сталелитейной отрасли FIOM из Генуи, что в своём последнем „Международном бюллетене“, подготовленном в сотрудничестве с Европейской координационной группой заводских советов сталелитейной промышленности, пишет: *«Перед лицом трудностей, с которыми сталкивается металлургическая отрасль в Европе, необходимо и должно вести борьбу за сохранение рабочих мест, не занимая при этом протекционистские позиции: кажется, что их легко реализовать, но в действительности они разделяют класс наёмных работников, следовательно, приводят к его ослаблению. Европейский профсоюз мог бы весьма эффективно направлять работников в нужную сторону»*.

Lotta comunista, июнь 2026 г.